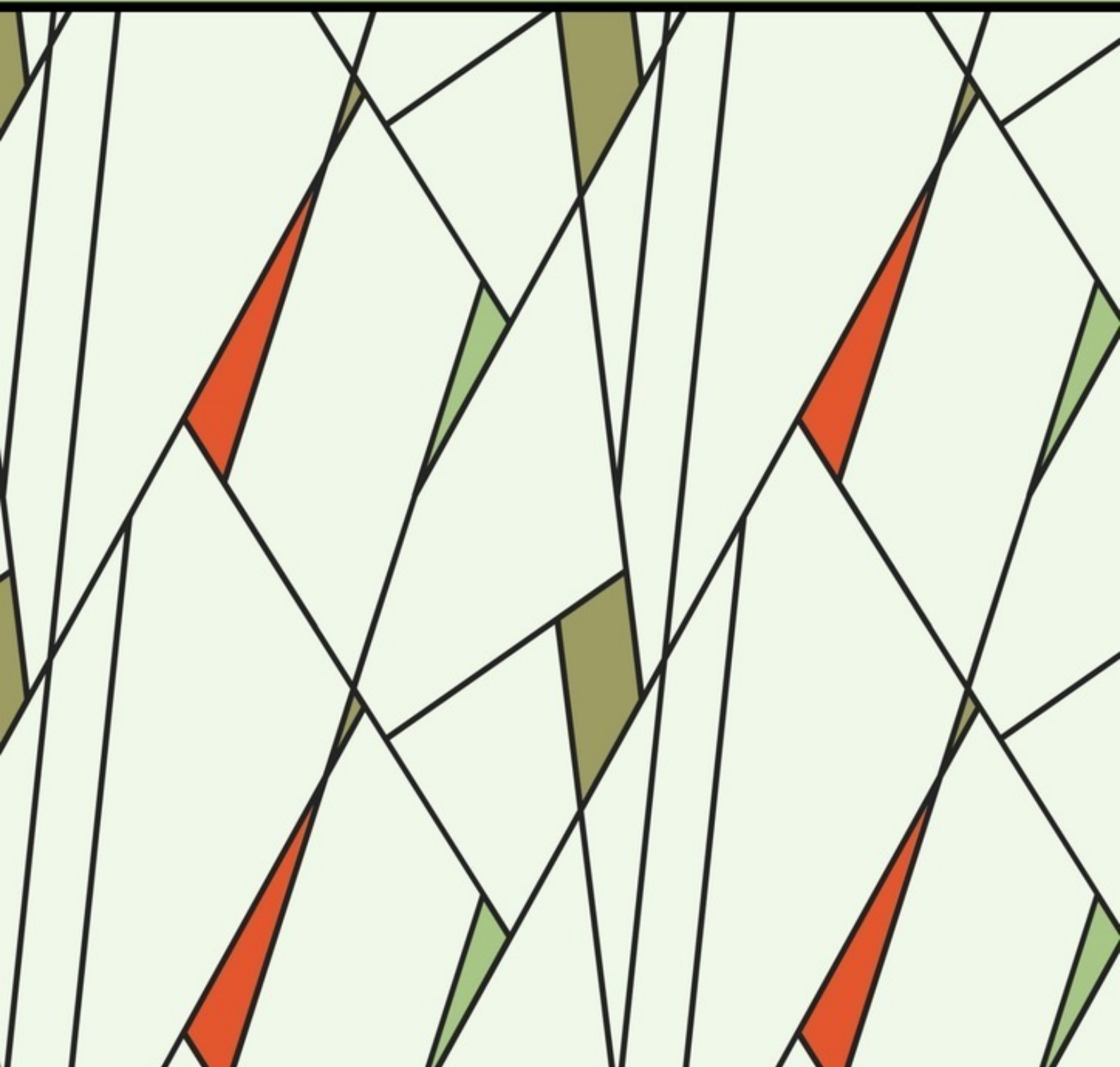

ЮРИЙ ВАГИН

Влечение к смерти
Диалог со Шмидт-Хеллерау

Юрий Вагин

**Влечение к смерти. Диалог
со Шмидт-Хеллерау**

«Издательские решения»

Вагин Ю. Р.

Влечение к смерти. Диалог со Шмидт-Хеллерау / Ю. Р. Вагин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905191-2

Монография кандидата медицинских наук Ю. Р. Вагина посвящена метапсихологической теории Зигмунда Фрейда. В диалоге со швейцарским психоаналитиком Корделией Шмидт-Хеллерау автор отстаивает монистический материалистический характер метапсихологической теории Фрейда и продолжает разработку тифоаналитической теории, основанной на оригинальной теории влечения к смерти. Адресовано работникам медицины, образования, психологам.

ISBN 978-5-44-905191-2

© Вагин Ю. Р.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Глава первая	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Влечение к смерти. Диалог со Шмидт-Хеллерау

Юрий Вагин

© Юрий Вагин, 2018

ISBN 978-5-4490-5191-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Юрий Робертович Вагин

Том 2

Выпуск 1

Юрий Вагин

Влечение к смерти

(Диалог со

Шмидт-Хеллерау)

Рецензент

Л. Я. Дорфман, д-р психол. наук, проф.,

зав. каф. психологии Перм. ин-та искусств и культуры

Вагин Ю. Р. Влечение к смерти (Диалог со Шмидт-Хеллерау).

Монография научного руководителя Пермского образовательного научно-исследовательского центра авитальной активности, кандидата медицинских наук Ю. Р. Вагина посвящена метапсихологической теории Зигмунда Фрейда. В диалоге со швейцарским психоаналитиком Корделией Шмидт-Хеллерау автор отстаивает монистический материалистический характер метапсихологической теории Фрейда и продолжает разработку тифоаналитической теории, основанной на оригинальной теории влечения к смерти. Адресовано работникам медицины, образования, психологам.

Влечение к смерти (Диалог со Шмидт-Хеллерау)

Редактор Л. В. Паршина

Ю. Р. ВАГИН, 2004

Введение

Уборка закончена и наступил праздник – такое ощущение возникает, когда держишь в руках переведенную Сергеем Панковым и выпущенную Санкт-Петербургским издательством Б&К книгу швейцарского психоаналитика Корделии Шмидт-Хеллерау «Влечение к жизни и влечение к смерти. Либидо и Лета. Сводная формально-логическая модель психоаналитической теории влечений и структурной теории». Уже одно название звучит как песня. Долгожданный праздник появления на российском книжном рынке работы по *настоящему* современному психоанализу¹. Праздник этот частный, может быть, даже личный, и издатели это, скорее всего, понимают (тираж книги – 500 экземпляров), но праздник этот наступил.

Фраза, с которой Корделия Шмидт-Хеллерау начинает свою работу: «Минули годы с той поры, когда метапсихология стала объектом придиричивой и принципиальной критики»², – для нее самой эпическая и, может быть, элегическая, и, скорее всего, автор совершенно не представляет себе (да и не должна), какое особое трагическое значение эта фраза имеет для российской аудитории. Эта фраза вызывает легкую душевную боль из-за не столько невосполнимой, сколько именно трагической оторванности российского психоанализа от международного и межнационального потока психоаналитической мысли. Шмидт-Хеллерау, говоря о «придиричивой и принципиальной» критике, имеет в виду уважаемых ею господ Клейна и Гилла, Холта и Шафера, Столороу и Петерфрейнда, Резенблата и Тикстуна, Рапапорта и Рубинштейна, а в памяти российских читателей старшего поколения всплывает «придиричивая» критика других товарищей: Ляликова и Бассина, Рожнова и Рожновой, Спиркина и Мамардашвили – и здесь нет большой нужды перечислять все фамилии, потому что эта «критика», единственно знакомая нам на протяжении многих десятилетий, заключалась по большому счету в одной фразе: «Картина природы человека, нарисованная Фрейдом, не только мрачна и принципиально неверна. Она, кроме того, по существу, глубоко аморальна»³.

Начало учебы в клинической ординатуре по психиатрии совпало у меня со знаковым по тем временам выходом «Лекций по введению в психоанализ» в 1989 году. Это событие трудно было назвать праздником. Книгу выдавали психиатрам по спискам в кабинете главного врача областной психиатрической больницы и разве что не брали подписку о неразглашении. Это не был праздник – это было современное переложение классической античной трагедии. Большинство врачей-психиатров, которые, может быть, впервые в жизни держали в руках работу Фрейда, уже не могли ее прочитать. Они держали книгу в руках, листали, выхватывали из текста отдельные моменты, рассказывали их друг другу как анекдоты... и все. Повлиять на сформировавшееся клиническое мышление книга уже не могла.

Последующее возвращение Фрейда в Россию ограничилось по большей части переизданием библиотеки Ермакова со всеми ее достоинствами и недостатками. О реальных планах по переводу и изданию полного собрания сочинений Фрейда не слышно. Часть работ перво-степенной значимости до сих пор не переведена и недоступна российскому читателю. Всплеск интереса к психоанализу, произошедший в середине-конце 80-х годов XX века, с середины 90-х пошел на убыль. Иллюстрацией к этому может служить один молодой доктор, проходивший практику в нашем отделении, который, пролистав несколько книг Фрейда, сказал однажды: «Что ж, теперь, когда я в совершенстве овладел психоанализом, мне бы хотелось овладеть

¹ Не считая, разумеется, книги Вэйко Тэхкэ «Психика и ее лечение».

² Шмидт-Хеллерау К. Влечение к жизни и влечение к смерти. Либидо и Лета. Сводная формально-логическая модель психоаналитической теории влечений и структурной теории. СПб., 2003. С. 15.

³ Бассин Ф. В., Рожнов В. Е., Рожнова М. А. Фрейдизм: псевдонаучная трактовка психических явлений // Антология российского психоанализа: В 2 тт. Т. 2. М., 1999. С. 71.

психосинтезом». Психоанализ (вторая волна в психологии), едва докатившись до российских берегов, оказался поглощен гуманистической психологией (волной третьей) и экстрасенсорным мистицизмом Менегетти (волной четвертой).

Психосинтез, НЛП, транзактный анализ, гештальт, трансперсональная и гуманистическая психотерапия – вот те направления, которые занимают сегодня умы российской психологической и психотерапевтической школы. И можно не удивляться, что популярные в России представители гуманистической психологии и психотерапии Франкл, Фромм, Хорни обвиняют сегодня (*сегодня* – разумеется, в нашем ретардированном восприятии) Фрейда, психоанализ и теорию влечения к смерти точно так же, как обвиняли их в свое время представители советской психологии. Те «новые пути в психоанализе», которые предлагают неофрейдисты и постфрейдисты, ведут читателей в направлении, прямо противоположном направлению движения фрейдовской мысли, и проходят по территориям, на которых вершина метапсихологического творения фрейдовского гения – теория влечения к смерти – «является не только необоснованной, не только противоречащей фактам, но и, несомненно, вредной по своим последствиям»⁴.

Еще более необычно складывается ситуация с метапсихологической теорией Фрейда в рамках классического психоанализа. Никто не совершил столько усилий для исключения метапсихологии из практики психоанализа, сколько сами психоаналитики. При этом, если представители других школ психологии и психотерапии, будучи не согласны с некими положениями психоаналитической теории, открыто выходят на поле научной брани, чтобы смело бросить вызов психоанализу и сразиться с ним в честном бою, современные психоаналитики молчаливо игнорируют метапсихологическую теорию в целом и теорию влечения к смерти в частности, не отягощая себя критикой (по принципу «о мертвых или хорошо, или ничего»), и спешат раньше времени произвести их похороны. Томэ и Кэхеле (Thomä & Kächele, 1996) – авторы первого после шестидесятилетнего перерыва изданного в России фундаментального двухтомного руководства «Современный психоанализ» – пишут в самом начале о метапсихологической теории Фрейда как о связанной с биологией XIX века, устаревшей и давно уже умершей теории, принятие которой за основу для научного объяснения психики *мешало* психоаналитикам признать неадекватность дуалистической теории влечений. Авторы с удовлетворением сообщают нам, что «лишь совсем недавно произошли ее (метапсихологии – Ю.В.) достойные похороны», «раздел имущества» и теперь уже психоаналитикам «больше не придется затруднять себя псевдонаучными метапсихологическими объяснениями энергетических трансформаций»⁵. Петер Цизе в энциклопедии глубинной психологии пишет, что теория влечения к смерти «вряд ли играет существенную роль в современной психоаналитической литературе»⁶. Теория влечения к смерти «представляет собой интересную натурфилософскую спекуляцию, но не приносит пользы в клинικο-теоретическом смысле», – пишет там же Хайнц Хензелер⁷. О том же и в тех же словах – Петер Куттер в «Современном психоанализе»⁸.

Я, как и Шмидт-Хеллерау, критически отношусь к теории влечения к смерти в том виде, как она была сформулирована Фрейдом (о чем подробнее уже писал ранее⁹), но мне бы хотелось здесь обособить свою критику от той, с которой приходится часто встречаться на страницах психиатрической, психоаналитической и психологической литературы. По очень многим принципиальным позициям можно не соглашаться с теорией влечения к смерти Фрейда, но нельзя считать, что под названием «влечение к смерти» Фрейд описал собствен-

⁴ Хорни К. Новые пути в психоанализе // Самоанализ. Психология женщины. Новые пути в психоанализе. СПб., 2002. С. 223.

⁵ Томэ Х., Кэхеле Х. Современный психоанализ: В 2 тт. М., 1996. Т. 1. С. 58–63.

⁶ Цизе П. Психоаналитическая теория влечений // Энциклопедия глубинной психологии. М., 1998. Т. 1. С. 349.

⁷ Хензелер Х. Вклад психоанализа в понимание суицида // Энциклопедия глубинной психологии. М., 2001. Т. 2. С. 97.

⁸ Куттер П. Современный психоанализ. СПб., 1997. С. 97.

⁹ Вагин Ю. Р. Тифоанализ (теория влечения к смерти). Пермь: Изд-во ПНИЦАА, 2003. 246 с.

ные метафизические фантазии, вызванные, по мнению различных авторов-психоаналитиков, его старостью, болезнью, войной, смертью дочери или ослаблением умственных способностей. Открытие Фрейдом влечения к смерти можно сравнить с открытием Христофором Колумбом Америки. Хотя Колумб искренне считал, что он открыл западный путь в Индию, но *ведь земля была*, и был остров Самана, и было Саргассово море, и Куба, и Гаити, и Багамские острова. Так получилось, что, описывая в 20-х годах влечение к смерти как дуальную пару к влечению к жизни, Фрейд описал на самом деле то *единственное* влечение, которым обладает любое живое существо. Он ошибался не в том, что предполагал наличие влечения к смерти (как считают многочисленные критики), а в том, что предполагал у человека наличие влечения к жизни. Шумные проявления Эроса, которые так бросались ему в глаза, на самом деле оказались проявлениями Танатоса, а либидо – магистральным потоком влечения к смерти, настолько мощным, что он способен, преодолев барьер системы хронификации жизни, максимально быстро привести живой организм к гибели.

Вся теория влечений, без сомнения, нуждается в пересмотре, и сам Фрейд этого никогда не боялся. Качество его открытий несколько не умаляется достаточным количеством ошибок и неточностей. Фрейд никогда не устал исправлять их, не боялся открыто признавать и, даже совершая новые, часто здесь же допускал саму возможность ошибиться. В «Жизнеописании» он выражает готовность пожертвовать любой частью своей метапсихологической теории безо всякого сожаления и ущерба для теории в целом, как только выяснится, что ей чего-либо недостает.

Прошедшие после смерти Фрейда годы показали: если метапсихологической теории чего-либо и недостает, то это не идей, а в первую очередь – людей, обладающих способностью смело следовать за логикой фрейдовской мысли, а не бросаться в пропасть вместе со знаменитым фрейдовским верблюдом при встрече на узкой горной дороге со львом глубинных структур агрессивности, деструктивности и влечения к смерти. Шмидт-Хеллерау сумела это сделать. Заметив, как и многие, существенное противоречие в попытке Фрейда увязать концепцию влечения к смерти с представлением об агрессии, она, благополучно миновав льва, пустилась далее в увлекательное путешествие по стране фрейдовской метапсихологии, которое принесло ей немало открытий и приятных моментов. Ее путевые заметки и легли в основу ее книги. Здесь не так важно, что многие из ее наблюдений не совпадают с той картиной, которая открывается нам с тифоаналитической точки зрения. Важно то, что Шмидт-Хеллерау имеет свою точку зрения и ее взгляд обращен в том же направлении, что и наш.

Остается еще раз подчеркнуть здесь, что работа Корделии Шмидт-Хеллерау представляет собой счастливое исключение в современном психоанализе. Бережное отношение автора к теории влечения к смерти – последнему ребенку гениального отца, ребенку, которого не только выплеснули из купели вместе с водой, но и поспешили заживо похоронить, – вызывает искреннее уважение. В то время как критика метапсихологии сама по себе уже стала классикой¹⁰, в то время как все громче раздаются голоса о том, что «Фрейд умер... и важно не застревать на нем, как на каком-то ригидном симптоме, превращая его в идола или пытаясь очернить»¹¹, нужно иметь определенную смелость, чтобы заявить, что все аргументированные обвинительные заключения «далеко не столь неотвратимы, как видится авторам критических работ»¹². И Фрейд, и его метапсихология, и их ребенок (теория влечения к смерти), по мнению

¹⁰ «Снижение влияния психоаналитических исследований обусловлено не столько субъективными качествами самих психоаналитиков, сколько историческим фактом более широкого значения: психоаналитическая ситуация уже отдала все, что в ней было скрыто. Она истощена как исследовательская возможность, по крайней мере, если говорить о разработке новой парадигмы» (Eissler K.R., 1969).

¹¹ Lear J. Open Minded, Working Out the Logic of the Soul. Cambridge, Mass, Harvard University Press, 1998.

¹² Шмидт-Хеллерау К. Указ. соч. С. 16.

Шмидт-Хеллерау, благополучно живы по сей день, и если они чем-то и болеют, то их нужно лечить, а не хоронить.

Глава первая

Итак, Шмидт-Хеллерау не ставит перед собой задачу реанимировать метапсихологическую теорию, поскольку считает, что она, собственно, жива и благополучно продолжает существовать, вне зависимости от того, желают это замечать отдельные психоаналитики или нет. Автор лишь справедливо замечает, что пренебрежительное отношение к метапсихологии не может не отразиться на качестве психоаналитической терапии и на перспективах ее развития. «Конфликт с метапсихологией не исчерпан», – пишет Шмидт-Хеллерау, а «любой неизбывный тлеющий конфликт подрывает функциональный потенциал Я, в данном случае – критический и новаторский потенциал психоанализа»¹³. Одного этого уже вполне достаточно, с ее точки зрения, чтобы в интересах самого психоанализа вновь обратиться к проблеме.

Прежде всего, Шмидт-Хеллерау пытается разобраться, какое место метапсихология занимает в общем массиве психоаналитической теории, и, заметим, не случайно ее введение имеет подзаголовок: «Метапсихология: надстройка или базис психоанализа?». Используя категории исторического материализма, автор (доктор философии) ставит вопрос: что такое метапсихология – дополнительный и необязательный компонент клинической практики (как утверждает большинство аналитиков) или ее основа (базис)? Возможно или нет достичь положительных результатов в лечении без явной или скрытой опоры на метапсихологию? И если психоанализ – цельное здание, то является ли метапсихология его фундаментом или это лишь изящное украшение фасада, дизайн, который может кому-то нравиться или не нравиться и который можно легко произвольно изменить при косметическом ремонте или вообще отбросить без необходимости существенных изменений в структуре сооружения?

Эта проблема, которую Шмидт-Хеллерау поднимает на первых же страницах своей работы, на самом деле имеет столь немалое значение для психоанализа, что обходить ее стороной было бы непростительной ошибкой. У противников метапсихологии в этом месте расположен очень мощный аргумент, который они никогда не забывают использовать в качестве одной из отправных точек для своей критики, и следует признать – их в этом трудно обвинить.

Чтобы понять, в чем сила этого аргумента, представим себе еще раз то же здание психоанализа и его главного архитектора, который, знакомя нас со своей постройкой, говорит нам про некий ее фрагмент уже знакомую нам фразу: я готов без всякого сожаления и ущерба для всего здания в целом пожертвовать этим фрагментом или заменить его на любой другой, как только выяснится, что ему чего-либо недостает. О каком фрагменте, мы могли бы предположить, здесь идет речь? О фрагменте фундамента или о некоем второстепенном фрагменте интерьера? Логично предположить, что столь легко и без сожалений архитектор мог бы рассуждать лишь о некоем второстепенном фрагменте. А ведь фраза, которая приведена выше, – это практически дословное высказывание Фрейда по поводу собственной метапсихологической теории. Шмидт-Хеллерау пишет, что не случайно ее (фразу) в последнее время так любят цитировать противники метапсихологической теории:

«...при мысли о „надстройке“ и готовности Фрейда пожертвовать любым фрагментом теории так и подмывает обновить те из них, которые представляются непригодными, меняя одну теорию на другую, как меняют головной убор, чтобы поспеть за изменчивой модой, – сперва выбрать модель power engineering, затем польститься на кибернетику и, в конце концов, остановить свой выбор на теории хаоса, – только бы не отстать от актуальных тенденций, даже если для психоанализа не будет от этого никакого толка»¹⁴.

---

¹³ Шмидт-Хеллерау К. Указ. соч. С. 16.

¹⁴ Шмидт-Хеллерау К. Указ. соч. С. 48.

Разумеется, мы можем сказать, что нельзя строить систему аргументации, основываясь лишь на одной фразе одного человека. Но в данном случае это нам вряд ли поможет. Даже если мы попытаемся отмахнуться от слов Фрейда, сославшись на возможную оговорку автора (коих в текстах Фрейда обнаруживается немало), то мы никак не сможем так же легко отмахнуться от его многолетней и целенаправленной деятельности по замене главного компонента метапсихологической теории – теории влечений. Хорошо известный и очевидный факт, что Фрейд как минимум однажды принципиально изменил ядро метапсихологии, и это, как не менее хорошо известно, не привело к заметным потрясениям во всем здании психоанализа, позволяет большинству психоаналитиков рассматривать метапсихологию не как базис, а как надстройку, как интересный, но не очень нужный эстетический и философский штрих. Большинство жильцов здания (психоаналитики) «поворчало» некоторое время на возрастные «странности» отца-основателя и как ни в чем не бывало продолжило жить, стараясь либо не замечать, либо различными способами прикрывать причудливые и пугающие картины влечения к смерти, изображенные Фрейдом в последних работах.

Их можно понять. На самом деле трудно представить себе, как могло бы здание психоанализа столько лет строиться и стоять на неверно уложенном фундаменте и как могло получиться, что последующее обнаружение «фундаментальной» ошибки и замена основ никоим образом не сказались на его общем состоянии. Разумно предположить в этом случае, что если Фрейд что-либо и менял в своей метапсихологии (здесь не так уж важно, верны или не верны его изменения), то, по крайней мере, все его манипуляции не относятся к основам психоанализа, являются частным делом Фрейда и не имеют обязательного характера для всех психоаналитиков. Вполне разумно также, что, исходя из этого, в большинстве последующих классификаций в фундамент психоаналитической теории закладывается не метапсихология, а клинико-психологическая феноменология, полученная в строгих рамках аналитической ситуации. На этом эмпирическом основании возводятся стены клинических интерпретаций, а на них возлагается крыша клинической теории. Метапсихологии здесь достойного места просто не остается, и она всегда занимает последние уровни во всех классификациях. Для полной и окончательной ясности в комментариях специально подчеркивается, что она имеет «куда менее важное» значение, чем все остальные уровни.

Шмидт-Хеллерау приводит две наиболее известные систематизации: Вельдера¹⁵ и Рубинштейна¹⁶, считая, что они достаточно хорошо отражают существующие тенденции:

Вельдер, 1962		Рубинштейн, 1967
1. Наблюдения в аналитической ситуации	}	1. Аналитическая ситуация
2. Клиническая интерпретация		
3. Клинические обобщения	}	2. Клиническая теория
4. Клиническая теория		
5. Метапсихология	}	3. Метапсихология
6. Философия Фрейда		

¹⁵ Waelder R. Psychoanalysis, Scientific Method and Philosophy. Amer. Psychoanal. Assn., 1962, 10.

¹⁶ Rubinstein B. Explanation and Mere Description: A Metascientific Examination of Certain Aspects of the Psychoanalytic Theory of Motivation. Psycholog. Issues. 5. 1967.

Вельдер в пояснении к своей классификации указывает, что метапсихология – всего лишь умозрительная и малозначимая надстройка. «Научным самозаблуждением» называет ее Хабермас¹⁷. Гилл¹⁸ считает, что метапсихология – это вообще не психология. «Метапсихология – кому она нужна?» – спрашивает Мейсснер¹⁹. От метапсихологии осталась лишь пустая идея, – пишет Моделл²⁰. Томэ и Кэхеле (Thomä & Kächele, 1985) считают, что идеи метапсихологии содержательно и методологически чужды психоанализу, и призывают современников «обновить психоаналитическую теорию, существовавшую раньше в форме метапсихологии и потому *основанную на зыбкой почве*²¹ (курсив мой – Ю.В.)»²². Современный психоаналитик, – пишет Алексей Руткевич, – «может строить гипотезы относительно того, что доминирующий у пациента тип взаимоотношений с другими людьми как-то связан с недостаточным вниманием к нему со стороны матери в первые месяцы жизни или со сложностями в идентификации с отцом-алкоголиком. Но аналитик *совершенно спокойно* (курсив мой – Ю.В.) обходится без широких обобщений о «судьбах влечений»²³. И это, судя по всему, на самом деле так. Академический учебник Ральфа Гринсона «Практика и техника психоанализа», пользующийся большой популярностью за рубежом (более десяти изданий) и в России, и о проблеме дуализма влечений, и о проблемах влечения к смерти упоминает вскользь несколько раз. Получается, что практикам они совершенно не нужны?

Какой вывод остается сделать нам? Если рассматривать ситуацию только в свете тех фактов, которые были приведены выше, то можно лишь согласиться с большинством психоаналитиков и спорить дальше уже не о фундаментальных принципах метапсихологической теории, а о ее прикладных аспектах, имеющих не столько естественнонаучную, сколько метафорическую, герменевтическую и литературно-философскую ценность. Если психоанализ собирается оставаться в тени собственных прошлых заслуг, – считает Джонатан Лир²⁴ – он превратится в философию души, а всю психоаналитическую литературу (Фрейда, Гартмана, Эриксона, Винникотта) нужно будет читать как философские или поэтические тексты в одном ряду с Платоном, Шекспиром, Кантом, Шопенгауэром, Ницше и Прустом.

У нас нет никаких оснований упорствовать в попытке убедить кого-либо в том, что возможно извлечь из-под здания фундамент и заменить его новым так, чтобы это никоим образом не повлияло на качество жизни его жильцов. Продолжая настаивать на этом, мы рискуем подвергнуться не просто критике, а заслуженному осмеянию, и не собираемся этого делать. Если бы все было только так, как изложено выше, то нам (и всем сторонникам основополагающей роли метапсихологии в психоанализе) нужно было бы признать свое поражение, прекратить бесплодные споры и поставить на этом точку. Это было бы так, если бы не те новые факты, которые недавно были открыты нами в свете развиваемой нами тифоаналитической теории²⁵. В ее свете многое становится более ясным и даже очевидным, и в том числе – затронутая

¹⁷ Habermas J. Erkenntnis und Interesse, Frankfurt, 1968.

¹⁸ Gill M. M. Metapsychology is not psychology // Psychological issues, vol. 9, no. 4, monograph 36. Basic Books, N.Y., 1976.

¹⁹ Meissner W. W. Metapsychology – who needs it? J. Am. Psychoanal. Assoc. 1981. 29.

²⁰ Model A. H. Does metapsychology still exist? Int. J. Psychoanal. 1981. 63.

²¹ Обратим внимание на характерную оговорку: основанную на зыбкой, но все-таки почве.

²² Томэ Х., Кэхеле Х. Современный психоанализ: В 2 тт. М., 1996. Т. 1. С. 46.

²³ Руткевич А. М. Психоанализ. Истоки и первые этапы развития: Курс лекций. М., 1997. С. 184.

²⁴ Lear J. Open Minded, Working Out the Logic of the Soul. Cambridge, Mass, Harvard University Press, 1998.

²⁵ В работе «По ту сторону принципа удовольствия» Фрейд пишет, что «в оценке наших рассуждений о влечении к жизни и смерти... мы принуждены оперировать с научными терминами, т.е. специфическим образным языком психологии (правильнее, глубинной психологии – тифопсихологии (Tiefenpsychologie)). Иначе мы не могли бы вообще описать соответствующие процессы, не могли бы их даже достигнуть». Тифоаналитическая теория, развиваемая нами, стремится продолжить описание и достижение тех «соответствующих процессов», о которых говорил Фрейд, в целях практической терапии патологической активности, направленной против жизни (авитальной активности), которая возникает в тех случаях, когда влечение к смерти не находит себе удовлетворения в естественной жизни.

выше базисно-надстроечная проблема. Становится понятно, как получилось, что кардинальные изменения, произведенные Фрейдом в метапсихологическом базисе, не привели к заметным потрясениям в многоэтажной и разветвленной структуре надстроек психоаналитической теории и терапии. Если теория влечений – фундамент психоаналитической теории, то, положив изначально в основу здания психоанализа с двух сторон сексуальное влечение и влечение к самосохранению, Фрейд в дальнейшем, как он всегда утверждал, объединил их и добавил на освободившееся место влечение к смерти. Жить в здании, основанном на этом новом дуалистическом фундаменте, большинство психоаналитиков отказалось, но при этом, что интересно, отказалось и выезжать из него, заявив, что все, что происходит в сфере фундаментальной метапсихологии, не имеет отношения к сфере клинической деятельности и их не касается.

С этой позицией не согласны ни Шмидт-Хеллерау, ни мы. Метапсихология и теория влечений являются *обязательной* основой психоаналитической теории, равно как и любой теории, изучающей влияние глубинных мотивационных сил на нормальное и патологическое функционирование личности.

То направление исследований, которое мы обозначаем здесь как *тифоаналитическое*, позволяет и даже заставляет нас высказать предположение, что в основе пирамиды человеческой психики, равно как и всей биологической жизни, с самого момента ее зарождения, всегда лежал, лежит и будет лежать единый фундамент влечения к смерти. Психология, а вслед за ней и психотерапия, к сожалению, до сих пор в значительной степени поражены вирусом витализма, от которого биология долго и безуспешно пыталась излечиться. Виталистический принцип «жизненного порыва» без какой-либо критики принят в современной психологии и единовластно господствует в ней. Глубинная психология Юнга и психоанализ не являются исключениями в этом вопросе. Витализм и «жизненный порыв» нашел свое выражение здесь сначала в теории либидо, а затем – в теории влечения к жизни. Только в конце жизни Фрейд нашел в себе мужество противопоставить безраздельному господству виталистической идеи идею противоположно направленного влечения – влечения к смерти. Что из этого вышло – мы уже писали²⁶. Что выйдет из нашего утверждения, что человек, равно как и любое другое живое существо, не обладает влечением к жизни – можно только догадываться, хотя факт этот, по большому счету, настолько очевиден, что по своей сути даже банален. Если мы наблюдаем, к примеру, некий процесс и видим, что он имеет определенное направление из точки А в точку Б, и если мы предполагаем присущую ему определенную тенденцию, то, если мы назовем эту тенденцию влечением, спрашивается: влечением к чему будет определяться данный процесс? Дети ответят, что данный процесс будет определяться влечением к точке Б.

Если, далее, не останавливаясь на этом, мы совершим с вами еще одно интеллектуальное усилие и рассмотрим с этих же позиций теперь уже другой, определенный, процесс, который мы с вами называем жизнью, то что мы увидим? Мы увидим все тот же вектор, определяющий направление некоторого движения, начальной точкой которого является, допустим, оплодотворение, а конечной – смерть.

Движение от точки А (оплодотворение) до точки Б (смерть) мы называем жизнью. Какая тенденция лежит в основе этого процесса? Или какое *влечение*, если мы будем использовать этот термин? В данном случае использование того или иного понятия не играет существенной роли, поскольку как бы мы ни назвали этот процесс, он всегда будет устремлен в одном направлении – к смерти. И, соответственно, всегда в основе жизни будет лежать тенденция к смерти, влечение к смерти, стремление к смерти и воля к смерти. Иного не дано.

²⁶ Вагин Ю. Р. Тифоанализ (теория влечения к смерти). Пермь: Изд-во ПониЦАА, 2003.

Почему, спрашивается, если мы наблюдаем жизнь только как векторный процесс, всегда направленный из точки оплодотворения в точку смерти, и *никогда по-иному*, почему сама мысль о влечении к смерти, если она и высказывается, вызывает столь бурное сопротивление? Почему любые попытки решить эту, в общем-то, простую задачу, воспринимаются как оскорбление общественного мнения, как вызов, если не как бунт? Каким образом в основе жизни может лежать влечение к жизни? Как в основе процесса может лежать влечение к процессу? По своей сути определение жизни через влечение к жизни есть классическое определение вечного двигателя, который якобы должен работать за счет внутренней тенденции к работе. Такого двигателя нет, равно как не существует и не может существовать у живой системы никакого влечения к жизни.

Фрейд описал одно из крупнейших структурно-динамических образований, функционирующее (по его мнению) на базе влечения к жизни, как систему сексуальности, считая ее энергосистемой с автономным источником питания, запасом энергии (либидо), целью и объектами. Энергией этой системы подпитываются многочисленные (если не все) системы психического аппарата за исключением систем самосохранения, имеющих свой источник питания (интерес). Что такое либидо и что такое интерес, каким образом они противопоставлены друг другу в организме – по понятным нам теперь причинам психоанализ так до сих пор и не выяснил. Около двух десятилетий ситуация сводилась к достаточно успешной клинической практике – с одной стороны, и гораздо менее успешной попытке развязать терминологический gordiev узел теории влечений – с другой. В 20-м году XX века Фрейд предпринял смелую попытку разрубить этот узел, усмотрев в случаях нарциссизма, садизма и навязчивых повторений рядом с сексуальным влечением некое другое влечение, названное им влечением к смерти.

В данном случае, как мы теперь понимаем, он заметил не другое дуалистическое, а то единственное влечение, которое располагается не рядом, а много глубже сексуальности, и питает ее наряду с остальной биологической, психической и социальной активностью. Заметил, но не придал этому влечению того фундаментального значения, которое оно по справедливости имеет для биологической и психической активности. Система сексуальности, расположенная между взглядом Фрейда и влечением к смерти, всегда мешала ему полностью рассмотреть фундамент психической и биологической активности, состоящий из единого мегаблока влечения к смерти. То, что он описал в 20-х годах как влечение к смерти, – всего лишь малая часть единой системы влечения к смерти, а ее другую часть на протяжении всей жизни Фрейд описывал как влечение к жизни и либидо. Поскольку мы понимаем теперь, что и либидо, и влечение к жизни по своей сути есть влечение к смерти, то понятно, почему Фрейд так удивлялся, что проявления либидо хорошо заметны, а проявления влечения к смерти скрыты за шумными проявлениями Эроса. И то, что Фрейд называл либидо, и любой интерес, и все влечения Я, и любая жизненная потребность являются производными от влечения к смерти. По-разному обозначая их, Фрейд ошибался в квантификации и квалификации влечений, но не в их фундаментальной роли в психической и психопатологической активности.

Пересмотр дуалистической теории влечений не привел ни к каким потрясениям в здании психоаналитической теории и практики лишь потому, что он никак не затрагивал фундамент человеческой психики, но лишь все больше приближался к нему и той картине, которая открылась нам сегодня с тифоаналитической точки зрения. Но это уже проблемы не психоаналитической теории и не метапсихологии Фрейда, а тифоаналитической теории. Мы же сейчас вновь обратимся к системе аргументации Шмидт-Хеллерау.

*

Вслед за рассмотрением базисно-надстроечной проблемы метапсихологии Шмидт-Хеллерау обращает наше внимание на проблему естественнонаучного редукционизма Фрейда, замечая, что предъявляемые к научной системе требования четко использовать свой понятий-

ный аппарат не всегда выполняются в психоаналитической теории. То, что многие психоаналитические понятия имеют различный смысл на различных уровнях теории, приводит к логическим ошибкам и провоцирует дополнительную критику с постоянными попытками ревизии тезауруса. Все «явные логические погрешности и неточности, допущенные при формулировании понятий метапсихологии... объясняются именно тем, что Фрейд не обособлял различные уровни теоретических формулировок»²⁷, – пишет Шмидт-Хеллерау, но она, в отличие от критиков, считает, что данная проблема преодолима, так как «главную роль при определении нюансов значения того или иного понятия играет соответствующий дискурс»²⁸. Способен ведь любой живой язык справляться не только с многозначностью, но и с омонимией, выводя конкретное значение слова из контекста. Признавая избыточную метафоричность и антропоморфизм фрейдовского стиля, Шмидт-Хеллерау показывает на примерах, что до настоящего времени все попытки «перевести» психоанализ на четкий «практический» клинический язык неизбежно терпят фиаско.

Парируя критику естественнонаучного редукционизма фрейдовской метапсихологии и обвинения в том, что метапсихологические «безликие понятия, обладающие лишь мнимыми научными достоинствами, скрывают от нас индивида, осознающего себя активной, деятельной личностью, определяющей и создающей обстоятельства», автор очень удачно использует пример из современной фрактальной геометрии, замечая, что, очевидно, «никому не придет в голову упрекать, скажем, математика в том, что, экспериментируя с формулой $x \rightarrow x^2 + c$, он грешит редукционистским и механистическим подходом к осмыслению природы»²⁹. Геометрические фигуры, получаемые при графическом изображении фрактальных формул, очень похожи на многие природные явления: снежинки, листья, деревья, но математика интересуется не они (не конкретные формы), а те принципы, которые лежат в основе их возникновения. Индивидуальность, в редукционистском пренебрежении к которой часто обвиняют метапсихологию, не может исчезнуть из сферы ее интересов, поскольку ее там никогда не было, – считает Шмидт-Хеллерау, – и она никогда не являлась предметом ее изучения. Заметим здесь, что метапсихология Фрейда – не единственное направление исследований человека, которое подвергалось необоснованной критике именно с этих позиций. В пренебрежении к индивидуальным психологическим особенностям человека традиционно обвиняется бихевиоризм, который открыто и четко постулирует *пренебрежение*

²⁷ Шмидт-Хеллерау К. Указ. соч. С. 46.

²⁸ Там же. С. 21.

²⁹ Там же. С. 26.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.